

Антиох рухнул на землю, словно мешок с костями, удар прошиб его насквозь. Еще одно проклятие, и он завопил в агонии. Детский смех пронзил его голову, вырвавшись из глубин памяти: — Даже если тебе придется кого-то убить... — Щит, сотканный из руны, уберег Кадмуса и Игнотуса от смертельных чар, которыми их атаквали. Игнотус, лишившись пальца, лежал рядом с Кадмусом, оба без сознания. Глаза ребенка, полные любви, уставились на него из прошлого: — Даже если ты должен убить, чтобы защитить других? — Ледяная сталь короткого клинка вонзилась ему в легкие. Испорченная, неестественная магия окутывала его брата. Маньяк хохотал. Не его брат. Только не его брат! — Даже если это причинит тебе боль? — Да. — В тот момент его голос был полон решимости. Такой решимости, что он был готов вынести все. Но тогда он не знал, что значит быть преданным. — Значит, ты предпочтешь убить его, чтобы остановить. — Другого пути нет. Даже если бы он был одним из нас, даже если бы он был моим собственным ребенком, я бы все равно сказал то же самое. — И он сделал это. Безжалостно. С каменным сердцем. Он открыл глаза. Предсмертный крик Медраведа разнесся по воздуху, а затем он медленно, но верно превратился в камень. Слеза скатилась по его бледной щеке, а его руки опустились на изуродованный, разбитый крестраж его брата. — Я могу любить тебя, Медрауд, но клятва, данная мной как Хранитель, заставляет меня действовать против тебя. Я не могу позволить тебе бродить по миру в таком виде. Прости меня. — Беспощадный. Каменное сердце. Не желающий и пальцем пошевелить, чтобы спасти брата. И с этой хрупкой хваткой, которой Сэл все еще держался за свой разбитый разум и магию, он ослабел. Внезапно белое пламя магии опалило лес вокруг него. Огонь пылал от ненависти к себе. Огонь ледяной от ненависти, направленной ни на кого, кроме него самого. Снег бури растаял под его напором. Целитель. Хранитель. Защитник. Ничто не имело значения. Существовало только одно. Убийца. Убийца своего брата. И с этим пламя, окружавшее его, наконец, нашло свою цель и сожгло его заживо. По крайней мере, теперь он мог судить себя той же магией, которая всего несколько минут назад оборвала жизнь его младшего брата. Сэл не надеялся на пощаду — он не заслужил ее ни в каком виде. Агония его горячей плоти была наименьшим, чего он заслуживал. — Тогда я благословляю тебя, дитя. Ты — целитель, ты — воин, ты — Хранитель. Ты закончил свое обучение и выбрал свой путь. Пусть ты исцеляешь других, пусть ты судишь их сердца. Пусть ты направляешь других, пусть ты защищаешь их от вреда. Сегодня я нарекаю тебя Целителем-Хранителем — рожденным защищать, рожденным судить, рожденным исцелять. Да будет так. Далеко в Хогвартсе вампир, спотыкаясь, поднялся на ноги. Он прятался в самом дальнем углу библиотеки, надеясь, что там ему будет спокойно и тихо. Почему, ох, почему ему пришлось пообещать своим властным прабабушке и прадедушке регулярно навещать их, когда они встречались в прошлый раз?! Он планировал спрятаться от них в библиотеке хотя бы на большую часть дня. Но что-то случилось. Что-то плохое. Поэтому он, спотыкаясь, поднялся на ноги и поспешил прочь из библиотеки. Он уже почти достиг входной двери, когда две руки обхватили его и остановили его бег. — Не надо, — сказал голос его прадеда, обремененный печалью. — Мы ничего не можем сделать. Анастасий попытался высвободиться из хватки прадеда, но старший мужчина держал его, словно тиски. — Прадедушка, пожалуйста! — В его голосе слышалось отчаяние и та же печаль, что и у прадеда. — Мы ничего не можем сделать, дитя. Ничего! — прозвучал задуманный, полный горечи ответ. И тут он почувствовал, как его прадед уткнулся головой в его шею. В этот момент в прихожую вошла его прабабушка. Ее лицо было бледным, и она выглядела таким же убитым горем человеком, как его прадед и он сам. Слезы украшали ее щеки, и, увидев их, она сразу же подошла и обняла обоих. — Почему? — на этот раз в голосе Анастасии прозвучал траурный тон. — Почему?! — Потому что все мы обречены однажды пасть, — ответил его прадед. — И сегодня был день твоего отца. Анастасий покачал головой. — Он бессмертен. Он не может умереть! Он не может... — Для нас, бессмертных, есть другие способы умереть, кроме смерти, — прошептала прабабушка, притягивая его ближе. — А у него кровь василиска. Наши смерти всегда самые ужасные. — Нет! — На этот раз Анастасий смог разжать руки прадеда, но прабабушка все еще стояла на его пути, не давая ему поспешить туда, где, по словам его тела,

когда-то был его отец. — Нет!— Прости меня, дитя. Прости!— Нет! Он рожденный фениксом! Феникс-рожденный! Он не впадает в безумие, как василиск! Он рожденный фениксом!Его прабабушка лишь печально покачала головой. — У него мой взгляд. У него мой яд. Он говорит на моем языке, — сказала она, и ее голос был наполнен горечью и сожалением. — Единственное, что у него есть от феникса, — это его слезы. Может, он и рожден фениксом, но василиск в его крови сильнее. — Нет! Снова руки прадеда обхватили его. — Нет!И тогда, как раненое, израненное животное, он упал на колени, а из его глаз потекли слезы. — Нет, пожалуйста! Он все еще нужен мне! Он не может уйти! Он не может! Он не оставит меня! — умолял он. Его прадед тоже опустился на колени, все еще отчаянно обнимая Анастасию. — Ему было уже больше тысячи лет, — тихо сказала прабабушка, приседая перед ним. — И в отличие от нас с прадедом, у него не было никого, кто принадлежал бы только ему. Он одинок. — Но... а как же я?Ответом была горько-сладкая улыбка.

<http://tl.rulate.ru/book/93005/3093481>